

университетская ЖИЗНЬ

ОРГАН
СОВЕТА
УНИВЕРСИТЕТА

Газета основана в 1972 г.

№ 5 (531) 7 мая 1991 г.

Цена 1 коп.

ОБЪЯВЛЯЕТСЯ БЛАГОДАРНОСТЬ

Участникам войны и ветеранам труда

Отмечая 46-ю годовщину Победы советского народа над фашизмом, подчеркивая исключительную важность этого события, определившего ход мирового развития во второй половине XX века, обращаясь к коллективу университета с поздравлениями и призывом отметить этот день вниманием к юбилейной дате и данью памяти и благодарности ко всем тем, кто внес свой вклад в Победу.

С особой торжественностью и признательностью обращаясь ко всем участникам войны — тем, кто сражался на ее фронтах и тем, кто трудился и терпел лишения в тылу. Вам, дорогие товарищи, сегодня наше восхищение вашими ратными и трудовыми подвигами. Вам самые искренние наши пожелания доброго здоровья и долгих лет жизни, слова благодарности и за сегодняшний Ваш труд, участие в жизни университета.

Ветераны КГУ созыва 1991-го года.

НАШИ РАЗНЫЕ ДНИ ПОБЕДЫ

При всей нашей любви к круглым датам, по-особому воспринимаем мы нынешний — сорок шестой — День Победы. Особым светом подсвечивает его другая дата — полвека со дня начала войны на нашей земле. Но не только в этом особенность нынешнего 9 мая, он действительно не похож на предыдущие праздники Победы.

Внушительность цифры напоминает о том, что все меньше остается тех, кто узнал о победе от своего командира или палил в его честь из своего пистолета. Да просто тех, кто помнит этот день, как ждали его, как не верилось, что войны больше нет, и как верилось, что теперь все будет счастливым. Все больше живет на свете людей, для которых война — история. Из фильмов, книг, учебников.

Меняется и «состав» наших праздничных чувств. К ликованиям все больше подмешивается ощущение огромности цены, которой оплачена победа. Огромности — и всегда ли оправданности? Выросли в мирные времена и осознавая ни с чем не сопоставимую ценность человеческой жизни, мы содрогаемся, узнавая число убитых, пленных, пропавших без вести... Тем более узнавая, что эти цифры — десятки миллионов! — не окончательны. Рядом с чувством высокой скорби появляется чувство вины перед людьми, чьи жизни так легко и патетично отдавались на алтарь победы. Чувство стыда за страну, которая так не по-матерински отнеслась к своим беззаветно преданным сыновьям. Отличает этот праздник и то, что освобожденная Европа теперь встречает его уже без прежних благодарных рукоплесканий победителям, старательно освобождаясь от памятников им, от присутствия их внуков

на своей земле, от счастья жить в социалгороде, и от самих слов «социалистический», «народный» — подаренных освободителями. Приятнее, конечно, внимать рукоплесканиям, но вместе с сожалением испытываешь почему-то опять же чувство, близкое к стыду — перед народами, которым после освобождения была навязана другая несвобода. Украшенная нашими именами, вплоть до имен городов и улиц.

И уж самое большое и самое для нас неожиданное отличие этого праздника — то, как его встречают побежденные: соединившись в одном государстве, прежней и все-таки новой Германии. Пережившей ужас разгрома, познавшей очищающую силу покаяния, радость воссоединения: переживающей сложности новой непростой ситуации.

Историки все дружнее стали говорить о том, что наша победа не столь уж безусловна и абсолютна. Напротив, освободив пол-Европы и скотлив из нее основу социализма, мы организовали и возглавили мировое противостояние и тем самым обрекли себя на продолжение жизни под лозунгом «Все для победы», так по-настоящему и не переведя «на мирные рельсы» ни бюджет, ни промышленность, ни идеологию. Отчасти и в этом многие склонны видеть причину сегодняшнего состояния страны.

И если уж воспринимать нынешний праздник под знаком перемен, то не умолчишь и еще об одной — горькой перемене. Не к нынешнему маю обнаружившейся, но все больше отдающейся в душе. Я о переменах в отношении к фронтовикам.

Когда они были молоды, полны сил и завидного жиз-

нелюбия, государство практически никак не отличало их от других граждан. Зато народ любил, держал в почете «Он фронтовик» — звучало действительно с почитанием. Сегодня же старые, совсем немногочисленные и совсем не бравые фронтовики или, как их именуют в системе обслуживания и распределения, «инвалиды и участники ВОВ», награждаются льготами государства и все более ощутимой неприязнью остального населения. Я знаю наперед объяснения этого факта, но все же... Все же жаль, как-то присутствовать при сцене, когда в очереди раздаются голоса молодых и вовсе не похожего на голодающего мужчину: «Гоните его в шею! У них есть свой магазин!» Про кого это он? Да вот, старичок с удостоверением вознамерился без очереди взять курочку. А всем надо, все торопятся, все не могут стоять.

При всех переменах оценки события, очередную дату которого мы отмечаем, не поддается переоценке отношение к людям, которым выпало пройти через ужасы войны, отношение к чужому страданию и почти невосприимчивой способности выйти из всего этого, не потеряв человечности. Но одно дело оказать почести ветеранам «в торжественной праздничной обстановке», а другое — одернуть себя и уступить в нашей действительно нервной и раздражающей — кто же спорит? — повседневности. И без наших «замечаний» горько доживать свой век в болезнях и дефицитах нашим ветеранам, неужели за такую жизнь отдавали они свою молодость и здоровье? Пусть эта горечь поубавится хоть чуть-чуть в эти майские дни, когда к каждому из участников войны придут с поздравлениями, подарками, цветами.

И может лучше было бы в такой день промолчать, но я бы вместе с поздравлениями сказала еще «простите». Простите за то, что ваша победительская старость «украшена» нуждой, очередями, унижительными пайками и стычками с наследниками ваших завоеваний. Простите, что иногда нет сил сказать нападающим «Опомнитесь. Побойтесь Бога». Ведь вспомнить погибших и почитать живых — единственное, что мы — каждый из нас — можем сделать единственное, чем мы можем реально отмечать Дни Победы, сколько бы их не пришлось за нашу жизнь.

Я никогда не писала в газету «к знаменательной дате». Но это пишу без оглядки и стеснения. Это рассуждение о Дне Победы посвящаю памяти моих родителей, которые пришли с войны живыми, но до этого Дня не дожили. В моем детстве это был семейный праздник, я любила его почти как Новый год. Вести разговоры о войне, предаваться воспоминаниям было как-то не принято в нашем доме. Но 9 мая, что бы там ни было, доставались награды, их чистили мелом, прикрепили к выходным костюмам — и шли в центр. А в центре и был праздник: море сирени, тюльпанов и радостные лица тогда еще не старых фронтовиков. Радость их была воспоминанием о радости того дня, и она была так понятна: победили, выжили, живем...

Это было давно. А сегодня вспомнить об этом — это единственное, что я могу для них сделать.

Т.В.Шмелева

В канун дня Победы

ПРИКАЗЫВАЮ:

Объявить благодарность:
Бекишевой Зинаиде Ильиничне, библиотекарю КГУ,
Баянову Ивану Александровичу, старшему преподавателю кафедры теории и истории государства и права,
Бондареву Якову Артемьевичу, рабочему АХЧ,
Бронникову Иннокентию Николаевичу, доценту кафедры педагогики и психологии,
Быкову Виктору Геннадьевичу, дежурному слесарю теплослужбы,
Брюхановой Анне Герасимовне, сторожу корпуса юрфака,
Бородину Владимиру Константиновичу, сторожу ФТК,
Бабий Валентине Михайловне, врачу-терапевту спорткомплекса КГУ,
Внуковой Федоре Сергеевне, сторожу ФТК,
Гавриленко Петру Григорьевичу, доценту кафедры политэкономии,
Горелику Александру Соломоновичу, заведующему кафедрой уголовного права и криминологии,
Горшковой Анне Павловне, сторожу корпуса N 4,
Дашеву-Будаеву Николаю Мункаевичу, учебному мастеру лаборатории по ремонту радиоаппаратуры,
Жадовец Дмитрию Андреевичу, дежурному слесарю теплослужбы,
Кочневой Анне Степановне, уборщице служебных помещений корпуса N 1,
Кривцову Михаилу Васильевичу, начальнику штаба ГО,
Кардашеву Федору Владимировичу, электрику юридического факультета,
Катцыну Александру Михайловичу, инженеру ПНИЛ Светотехники,
Медведеву Владимиру Афиногеновичу, профессору кафедры политической экономии,
Мулиной Зое Михайловне, сторожу спорткомплекса,
Мартыновой Анне Андреевне, сторожу ФТК,
Немирович Анне Тихоновне, сторожу корпуса N 4,
Потылицину Петру Федоровичу, столяру АХЧ,
Сидоренко Ивану Никифоровичу, старшему преподавателю кафедры политической истории,
Смолину Николаю Павловичу, доценту кафедры политической истории,
Скрипнику Николаю Ивановичу, сторожу корпуса N 1,
Сунсину Николаю Леонидовичу, столяру ФТК,
Травникову Анатолию Григорьевичу, сторожу ФТК,
Тупасову Александру Всеволодовичу, рабочему высокой квалификации х/д темы Ф-6,
Фирсову Николаю Кирилловичу, старшему преподавателю кафедры уголовного права и криминологии,
Фокиной Анне Ивановне, уборщице служебных помещений ФТК,
Хафизову Юрию Николаевичу, водителю автомобиля УАЗ,
Черепову Василию Дмитриевичу, начальнику отдела материально-технического снабжения,
Чудинову Виталию Михайловичу, начальнику 1 отдела КГУ,
Шахматову Владимиру Пантелеймоновичу, профессору кафедры гражданского права,
Шурыгину Павлу Михайловичу, профессору кафедры физической химии,
Штро Якову Михайловичу, инженеру ПНИЛ Светотехники.

Желаю Вам доброго здоровья и активного долголетия. Вечная слава героям, павшим за Свободу и независимость нашей Родины в годы Великой Отечественной войны 1941-45 гг.

Н.Д.Подуфалов
ректор Красноярского госуниверситета

НАШЕ ГОРЕ, НАША ПАМЯТЬ

Нам нужно освежить сознание того, что мы этим людям **д о л ж н ы**. Тем, что они видели, что испытали, кого потеряли, поломанными судьбами, испепеленными сердцами они заплатили за нас, которых тогда не знали и о ком не думали. Теперь они несут в себе память о погибших близких, о чем-то несостоявшемся, свои болезни и раны, -- избавив от этого нас. Мы все чаще забываем, что мы должники. И это при том, что неизвестно, выстояли бы мы такую войну.

Павел Михайлович Шурыгин, профессор кафедры физической химии. Призван на фронт из Оренбургской области в 42-м году девятнадцатилетним. Служил в артиллерии, но не при орудиях, а артиллеристом-связистом и артиллеристом-разведчиком.

Мы говорили с ним о войне горькой, войне потерь утрат, разочарований и ужаса. Какой она была для миллионов людей, для страны, каким личным горем коснулась его?...

А.Г. Травинков воевал в тылу врага в составе 5-й отдельной гвардейской воздушно-десантной бригады.

Лейтенант, командир пулеметного взвода. Имеет награды: Орден Красной Звезды, Орден Отечественной войны 1 степени, медали "За отвагу", "За боевые заслуги", "За победу над Германией" и др.

Н.К. Фирсов, призван в армию школьной скамьи. Воевал с сентября 1943 года в составе минометной батареи в штурмовом отряде, в разведке. Трижды ранен, потерял зрение правого глаза. Заканчивал войну в мостостроительном батальоне. Имеет орден Красной звезды, Орден Отечественной войны 1 степени, медаль "За победу над Германией" и др.

В.Д. Черепанов, воевал с 1943 г., призван с 17 лет. Разведчик гвардейской стрелковой дивизии. Дважды ранен. Награжден орденами Славы 3 степени, Отечественной войны 1 степени, Красной звезды и др.

В.П. Шахматов ушел на фронт добровольцем в феврале 1942 года, воевал рядовым, радистом отдельного минометного дивизиона.

Н.И. Скрипник, воевал с февраля 1943 г., радиотелеграфист, сержант. Участвовал в обороне Ленинграда, взятии Будапешта, освобождении Польши. Награжден орденом Отечественной войны 1 степени, медалями.

Н.Л. Сунсин, старший авиадвигательщик, участник обороны Москвы. Участвовал в обороне Москвы. Имеет орден Отечественной войны 1 степени, две медали "За боевые заслуги" и др.

А.С. Горелик служил с ноября 1944 года на Тихоокеанском флоте, участвовал в войне с Японией, награжден медалями.

И.Н. Бронников, воевал с 1943 г., в авиационной дивизии, воздушным стрелком. Имеет 12 правительственных наград: медали "За взятие Кенигсберга", "За боевые заслуги", "За победу над Германией" и др.

И.Н. Сидоренко, старшина роты 104-й десантной парашютной бригады, Юго-западный фронт. Имеет ордена Отечественной войны 1 и 2 степени, медаль "За отвагу". Был тяжело ранен, потерял ногу.

С ТРУДОВОГО ФРОНТА ВОЙНЫ

Заведующий кафедрой криминалистики и уголовного права А.С. ГОРЕЛИК не особенно охотно согласился дать это миниинтервью, считая его не слишком логичным.

Да, правда, Александр Соломонович не был в окопах Сталинграда и участвовал в штурме Берлина. В страшном сорок первом ему было всего десять лет. Однако, и ему пришлось хлебнуть немало горького в ту лихую пору. И нам кажется, что слово Александра Соломоновича, как свидетеля кровавой эпохи, -- это тоже голос войны.

Как Вас лично задела война?

Задела очень сильно. Жили мы тогда в Белоруссии, которая первой приняла удар немцев. И уже на шестой день войны под бомбежками и артобстрелом моя семья бежала из этих мест.

Приютила нас Татария. В тринадцать лет пришлось пойти работать в совхоз. Отыграв того времени говорить не буду -- об этом написаны десятки книг. Добавлю только, что в 1944 скончался мой отец, работавший на военном заводе.

Изменилось ли Ваше отношение к войне и к Победе?

Нет, насколько не изменилось. Независимо от того, хоррорный строй защищал народ или плохой, он защищал свою страну и спас ее страшной ценой. Поэтому я категорически не поддерживаю попытки переосмыслить в негативном аспекте этот трагичнейший период нашей истории. Лучше от этого нам не станет. Станет хуже.

Как Вы считаете, наше поколение виновато перед ветеранами?

Старшее поколение сегодня можно во многом обвинять, кроме одного -- в том, что воевали и победили.

Да, история войны во многом искажена, во многом еще "показушна", но тем не менее подвиг остается подвигом. И ветераны вполне заслужили право на уважение, право открыто и честно смотреть в глаза сегодняшним молодым. И заслужили те, прямо скажем, мизерные льготы от государства. Я никогда не смотрю косо на стариков с орденами на груди, покупающих что-то без очереди, хотя сам к ветеранам не отношусь. И мне кажется, что неуважительное отношение к людям, спасающим нашу страну, свидетельствует лишь о безнравственном состоянии общества.

Наш, корр.

Особенность военного времени заключалась в том, что тяжести, которые следовали одни за другими -- и у тебя, и у соседа, и по стране -- если не атрофировали это чувство горя, то притупили его. "У всех плохо".

Помнит атаку, когда друга Сережу пулеметная очередь ударила в голову, выбила мозги, а они полетели ему в лицо и на руки. Он, Шурыгин, страшно "это" с рук, вытер лицо, и это показалось эпизодом. Это сейчас оценивается как ужасное.

"В этом же бою соседу оторвало кисть руки, пальцы я обнаружил у себя на коленях..."

Каждый видел многие тысячи смертей, убитых. У Павла Михайловича воспоминание о войне тесно связано с одним лейтенантом. Была танковая атака. Ударом снаряда сбросило башню с танка, командир оказался перерезанным пополам. Башня отлетела в сторону, а обломок человека встал в нескольких метрах вертикально. Белые волосы развивались по ветру.

Война -- это убийство. Солдат Шурыгин 3 с половиной года провел на фронте, и это означало -- его убивали и он убивал. Немцы убивали нас больше и умелее. Но вот вспоминается Корсунь-Шевченковское сражение. Когда закончился последний бой, огромное, заснеженное поле в несколько километров было устлано телами немцев, лежащих буквально друг на друге. Они шли из окружения, шли на огонь, и наши их расстреливали в упор артиллерией. В это время мертвое поле вызвало чувство удовлетворения.

Война -- не только убийство, но и каторжный труд. Бессонные ночи, бесконечное рытье земли -- для себя, для пушек, для снарядов.

А страха почти не было. Страх прошел, когда в самом начале войны, после неудачного наступления в медсанбате увидел сваленные в кучу тела комсостава, майоров, капитанов. Понял, что если майоров, которых было несколько в части, сваливают в кучу, то тем более ничего в мире не изменится, если его убьют. И успокоился. Это успокаивало всю войну. Испугался один раз в последнем бою. До этого понимал, что не в этом бою -- в другом, не в этом наступлении -- в другом могут убить. А это был последний бой, и если останешься жив -- то будешь жить навсегда. И 29 апреля 1945 года под мощным артобстрелом в Берлине (до сих пор не знает, наши это обстреливали или немцы, так все было перепутано) испугался, как животное, панически. Пытался спрятаться под деревья, зарыться в землю, под корни.

Сейчас "пересматривается" война. Говорят, что плохо воевали, сами виноваты, что столько потерь. Говорят, что и в развязывании войны мы виноваты не меньше, чем немцы, были такими же агрессорами. Не было ли ветеранам от этих "разоблачений" не тускнеет ли для них радость победы?

Общий фон, на котором вспоминает войну Павел Михайлович Шурыгин -- "вернулся с войны с чистой совестью". Понимает, что это много. Не все возвращались так: испугались, были в плену. Сейчас к ним изменилось отношение, а тогда это было паче.

Но солдат своей судьбы не выбирает, место боя не выбирает, он песчинка в огромном море. И только в конкретном бою ему представляется мизерный выбор: где-то переползти, где-то согнуться. Фронтовики его года рождения из 100 человек вернулось 2, да и то раненые. Поэтому возвращались не только с чистой совестью, но и необыкновенно счастливые, удачные -- живые.

А то, что сейчас мы по-новому узнаем войну -- это путь к правде. Конечно, позорно, что в течение нескольких месяцев 45-го года мы потеряли убитыми 1 млн. человек, когда немцы стратегически давно проиграли. Т.е. так до конца и воевали с установкой, что цена жизни отдельного солдата равна нулю. Было 1418 дней войны. И каждый день убивали больше, чем по 5 тысяч. Если в Афганскую войну погибло 10 тысяч человек, то значит Афганская война равна двум дням Великой Отечественной.

А нынешнее поколение ветеранов не считает в чем-то виноваты перед собой? В забвении, в пренебрежении, в том, что не чувствует благодарности.

Чувствовать не надо, достаточно знать. Это уже область знания, это должно быть записано туда. Все ждал победы. Думали -- после нее начнется жизнь, будет самое главное в жизни дело. "Но вот я 20 лет профессор, 250 статей написано, 25 кандидатов защитилось -- и все-таки главным делом жизни была война. И для всего поколения -- это главное, что мы сделали".

У профессора -- ограниченный и избранный круг общения: поэтому, в основном, видел от молодого поколения уважительное отношение, с пренебрежением не сталкивался. Но если встретится -- считает, что сможет понять. Нельзя жить все время прежним. Даже Горбачев возложил венки на могилы японских солдат. Сейчас это смелый поступок, а через 10 лет будет нормой. Чувства протестуют, а разум побеждает и говорит, что на каких-то поколениях это должно кончиться.

Но то, что тогда своротили гору, понимаешь сейчас не меньше. И здесь не нужно чувства, это должно быть знание.